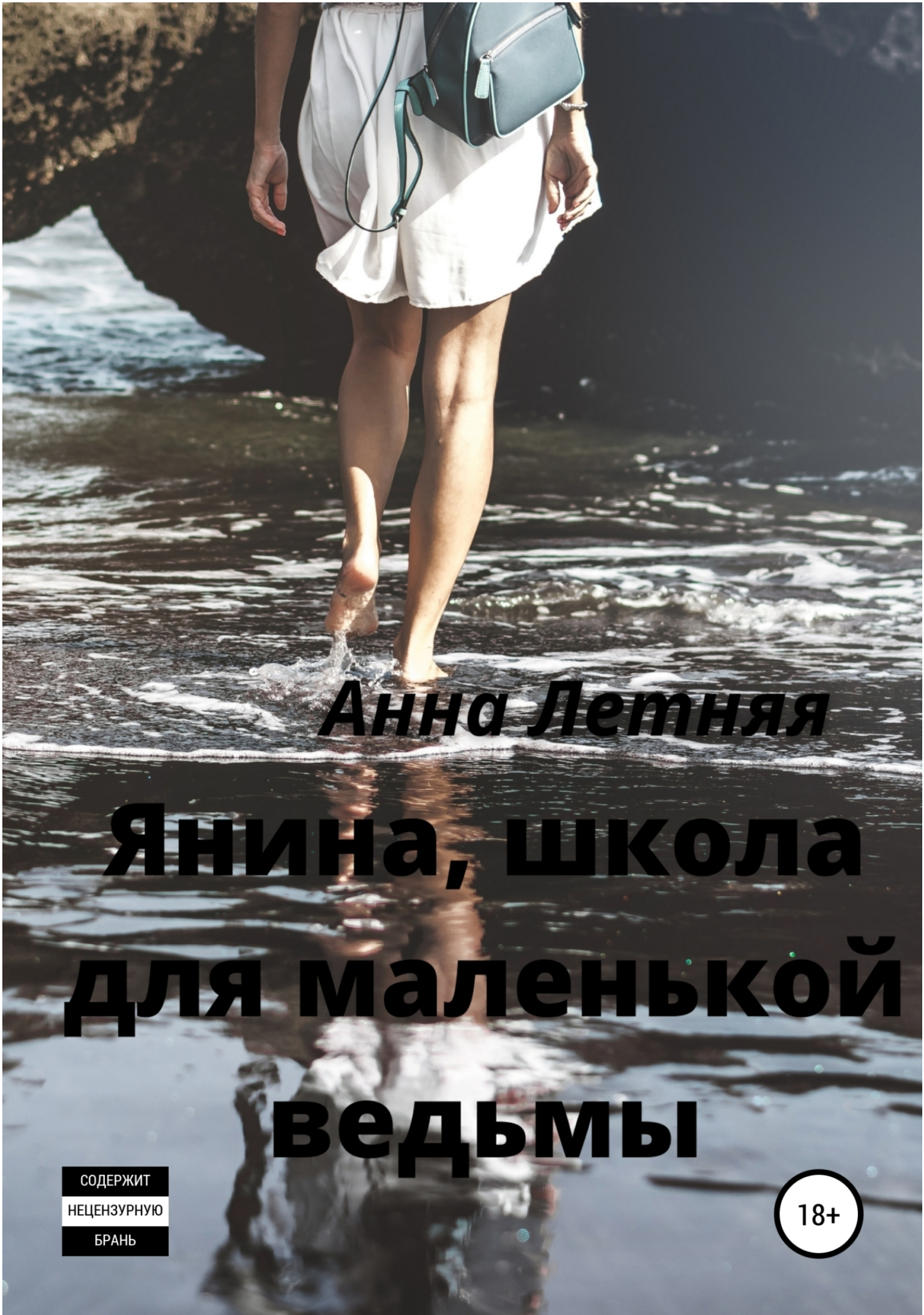

Анна Летняя
Янина, школа для маленькой ведьмы
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Анна Летняя

Янина, школа для маленькой ведьмы

«Автор»
2021

Летняя А. С.

Янина, школа для маленькой ведьмы / А. С. Летняя — «Автор», 2021

Вокруг столько разных и не похожих между собой людей. Они отличаются цветом волос, глаз, сложением тела, но это привычно и правильно. А мы обладаем особенностями совсем другими, более значимыми, а зачастую и опасными для окружающих. Имеем острые когти, опасные клыки, сильные инстинкты. Или, как я, способны проклясть простыми для всех словами. Меня зовут Янина Вир, и с самого детства во мне проснулась кровь бабушки - шепчущей ведьмы. Моя судьба ведет меня в таинственные леса Дальневосточного округа к таким же как и я – не нужным в своих семьях монстрам. Я буду среди подобных мне приобретать знания и обзаводиться опытом.Содержит нецензурную брань.

© Летняя А. С., 2021
© Автор, 2021

Содержание

Пролог 5
Глава 1 10
Глава 2 17
Глава 3 24
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Анна Летняя
Янина, школа для маленькой ведьмы

Пролог

Я сидела на своем привычном месте, в такое же, как обычно, время, и как много раз до этого, любовалась Русом.

Солнце катилось к закату, и прохладный ветерок пробирался под мою одежду. Наверное, стоило одеть что- то более существенное, чем форменные блузка и шорты, но я не хотела терять ни мгновения из оставшегося у меня времени. Оставшегося у нас.

Отняв мяч, Рус, как обычный дворовой мальчишка, побежал к воротам противника. Для людей, читающих фентезийные книжки, сама мысль, что необычные существа, учащиеся в школе магии, могут играть в простой футбол на траве, показалось бы сюрреализмом. А эти "существа" были счастливы чувствовать себя самыми обычными, не обремененными чем- то большим, чем этот глоток свободы.

Мысли все возвращались к тому, что уже свершилось. К неизбежному и далеко не радужному будущему.

Увы, у любого поступка есть обратная сторона. Принимая ответственное решение, следует учитывать и возможное наказание за него. Я оказалась неважной ученицей, раз смогла в полной мере и на собственной шкуре осознать истину, вдалбливаемую нам преподавателями с первого класса. И ведь все могло оказаться для нас куда опаснее, чем общее забвение. Жалела ли я, что спасла вместе с любимым Юрку, Макса и Альку? Нет. Тысячу раз нет. Я запрещала себе, даже в своей голове, задавать вопрос, начинающийся с коварного «Если»! Они моя первая и самая надежная семья, если и рисковать, то только ради них.

Команда Руса бурно радовалась одержанной победе. Конечно, все это соревнование было лишь в шутку, ради веселья. Начни все применять свои истинные способности, финал был бы непредсказуемый. Для нечисти в наше время, когда на каждом шагу могут встретиться блогеры и камеры слежения, очень важно полностью обрести контроль над силой до того, как они окажутся за стенами школы. Так что всем приходится сдерживать себя, даже во время веселой игры.

Все соревнования, турниры и соперничества имели под собой одну схему: не потревожил маячки – значит, справился. У Руса и Марка впереди есть три года для тренировки силы воли, ведь демонологам очень сложно удерживать животную часть под полным контролем. А вот Юрка выпускается, как и я, в этом году. Юрка охотник и куда больше человек, чем многие из нас. Просто ему нужно верить инстинктам, и тогда его чуткий нос, зоркий глаз и волоски на загривке сохранят его шкурку целой. Насколько я знаю, дальше он собирается в школу милиции или ФСБ, это уж куда пройдет по баллам с ЕГЭ. Мои документы уже отправлены в несколько заведений, и я даже зачислена, только вот куда точно, еще не успела узнать. Плевать, где грызть гранит науки, если ЕГО рядом больше не будет. На глаза опять навернулись слезы и я прикусила щеку, лишь бы сдержать их.

– Ты плачешь? – мой самый родной мужчина присел на корточки рядом, а я и не заметила.

– Нет. Ты же знаешь, что ведьмы оплакивают только разбитое сердце, а мое принадлежит тебе. Ты же его будешь беречь?

– Больше своей жизни, душа моя.

Крепкие объятья и такой привычный поцелуй в висок. Как же я буду без него дышать?

– Значит, я никогда не буду плакать. – Я зашептала ему на ушко, желая отвлечь от слез. – А это просто ветер песок кинул. Пойдем, я глаза промою, и поужинаем в нашем классе, а то устала я от внимания за последнее время.

Кивнув, Рус поднялся и перекинул меня через плечо. Его ладонь, не таясь, поглаживала то одну, то другую ягодицу.

– Арсулан! Будешь наглеть, я тебя укушу.

– Я же только шорты твои почистил! Сама уселась в пыль на холодную скамейку, вот и приходится заботиться о тебе, несмышленой, – лукаво сказал юноша, продолжая путь и одновременно ласково поглаживая округлости.

– Так я и поверила. Опять зверюге потакаешь! Как будто я не знаю, какой он собственник.

– Наговор, госпожа ведьма! Мы с моим Идом все делаем только ради Вас. А были бы мы собственниками, давно бы лишили твой шкаф всего, что оканчивалось выше колен.

– Эй, это же половина допустимого правилами гардероба! Официальная одежда школы.

– Вот и представь, как мучаются все парни с приходом тепла. Сотни девушек в миниюбках, некоторые еще и в чулочках, – он поставил меня на землю в десяти шагах от главного входа школы.

Его руки, как и тысячу раз до этого, притянули меня в объятия, и горячие губы зашептали на ушко:

– Твой нежный стан меня притягивал магнитом всегда, сколько я себя помню.

– Не правда, я была костлявой лет с одиннадцати, неуклюжей и с вечно сбитыми локтями и коленями. Худая, бледная… Ты не мог меня выделять среди остальных. Ты старше меня на семь лет.

– Но и учиться я буду дольше… Как же хочется выпуститься с тобой вместе. Подали бы заявление как пара, получили бы распределение в Вуз и одну комнату в общаге.

Руки Руса согревали спину, нежно поглаживая, а я боялась выдать себя. Он ведь даже не представляет, что уже завтра никаких «нас» не будет. Никто из тех школьников, что сейчас проходят мимо и тепло улыбаются нашей, ставшей привычной за два года паре, не удивятся завтра его, да и моим, холодным взглядам. Мы и сами с Русом не вспомним о том, что потеряем в полночь.

Вжавшись в Руса, я зашептала, больше не в силах сдерживать порыв своей сущности защитить и уберечь:

– «Ураган тебя не остановит, бураны не навредят, беда стороной обойдет и дух твой отныне единый, в жизни земной не предаст».

Рус удивленно отстранил меня и принялся вглядываться в мое лицо:

– Зачем это? Думаешь, я не знаю, что откат за такой продолжительный наговор сильно ударит по тебе? Зачем, Янушка? Разве я так слаб?

Взяв его лицо в ладони, притянула для поцелуя, все еще горького, но горячего и искреннего. Его губы послушно разомкнулись, и мы потерялись в наслаждении. Только рядом с Арсуланом Свердловым я была собой. Дышала полной грудью и не боялась ничего.

– Эй, без пяти минут семейная пара, оторвитесь друг от друга.

Мой куратор, как всегда, была строга и серьезна. Алевтина Рысак стояла в паре шагов от нас и хмурилась. Сегодня я прогуляла ее пары. Ведь как та, кто не умер в зеркале, она все еще помнила и могла как- то помешать мне своими силами.

– Аля, можно сегодня она будет только моей? – попросил Рус севшим голосом. Его глазами уже смотрел демон, всегда голодный до моего тепла.

– Нет. Проваливай в душ, а потом у тебя зачет у сноходцев. Сам пропустил время пересдачи!

Алевтина погрозила ему пальцем, а потом, встав совсем близко к нам, прошептала:

– Я почти договорилась о твоем экстерне. Не подведешь меня – свалишь отсюда через год. Между вами будет один человеческий год учебы…

На лице любимого резко сменились эмоции от разочарования, до восторга. Он прижал меня к себе напоследок еще раз, отстранился и пошел к своему корпусу. А я опять укусила себя за щеку, понимая, что только что потеряла пять часов оставшегося нам времени. Арсулан уходил от меня, возможно навсегда, и даже сам не понимал этого. Я ощущала, как рушится мой мир, осыпаясь острыми осколками, но не могла это показать никому из тысячи живущих здесь существ.

#Зачем? – На выдохе вытолкнула из себя вопрос.

#Ты совершила бы фатальную ошибку. Я бы тоже свершила ее на твоем месте… Это в природе ведьм.

#Ошибку? – я непонимающе посмотрела на Алю.

Ребенок. Ты бы смогла его упросить сделать тебе сегодня малыша, но как бы ты поступила потом, не знает никто. Может бы сделала аборт, а может и родила. Но если ты и правда его любишь, то должна выполнить условие. Только после этого вы сможете быть вместе.

#Я бы оставила нашего малыша, – руки сами легли на живот. Я даже не думала об этом, но после ее слов поняла, что скорее всего так бы и поступила.

#Ты бы забыла, кто тебя наградил бебиком. Ценим ли мы стаканчики из- под кофе? Нет, это только хлам.

#Новая жизнь не хлам! – возмутилась я сравнению живого существа и куска бумаги.

#Но большая помеха для ведьмы на службе. Ты пока никто, еще даже не выпустилась, не получила образование, и не нашла работу. Вспомни собственную мать. Как ты себя чувствовала, когда эта женщина сбагрила тебя первому замеченному ею нелюдю. Она ничего не чувствовала к тебе. Так и ты не смогла бы полюбить ваше дите под этим проклятием. А что бы ты сказала Русу, когда вы встретились снова? Смогла бы простить себя через пять, семь, а может пятнадцать лет, увидев вашего первенца, оставленного на воспитание сторонним личностям? Знаешь, сколько вариантов возможны при таком раскладе? Так что это мое тебе “спасибо”. И последний урок#всегда расставайся быстро.

#Не могу заставить себя быть благодарной тебе. Не сейчас.

#Я знаю. Тебе будет очень тяжело, но ты ведьма, а мы храним баланс прежде всего в душе. Если там его нет, то и нас больше нет. Без этой истины мы всего лишь шарлатанки в большом городе, пускающие пыль в глаза любительницы денег.

#Я помню. Но разве есть у меня шанс быть с ним? Скажи честно.

#Шанс есть всегда. Духи вредные, бесчувственные, коварные, но справедливые. Если они поставили условие пролить тебе слезы три раза по разным мужчинам, то такой шанс у тебя будет. Главное, не упусти его.

Алевтина шагнула ближе и обняла меня. Ее теплые руки укутали меня в кокон заботы и добра.

#Спасибо тебе, девочка, спасибо тебе за меня и за них. Ты сама не представляешь, сколько душ и судеб спасла вчера. Каждый из нас сможет помочь многим, если не тысячам, то сотням. Спасенные в свое время протянут свою руку помощи другим, и так до бесконечности. Один твой выбор значил очень много.

#Я спасала его. Вы шли прицепом. – Ответила я то ли правду, то ли свою выдумку.

Я и сама не знала ответ на этот вопрос. Мои лучшие друзья, любимый мужчина и ведьма-наставница, все они были особенными, игравшими важные роли в моей жизни. Но с другой стороны, соглашаясь на условия духа, я думала только о том, как по каменным плитам текла темная кровь Руса.

– О, как же я могла подумать, что ведьма Янина вспомнила обо мне в столь тревожный момент? Мое сердце разбито, и я хочу утопить печаль в вине. – Алевтина тряхнула головой, и подхватив меня под руку, потащила в сторону домиков кураторов и педагогов.

– Сегодня напьемся с горя, а завтра ты пойдешь сдавать оракулу свои измышления. – Усмехнувшись, куратор добавила фразу, разрушившую образ взрослой и ответственной женщины. – По личному опыту знаю – мы, ведьмы, можем предсказывать только с большого похмелья.

#Меня выгонят, а в аттестате поставят неуд.

И что? Думаешь людская комиссия увидит эту оценку и исключит тебя? Для них ты уже сдала все на «хорошо» и поступила.

А ты не знаешь, куда именно меня зачислили?

#Куда-то, где возятся с бумажками, счетами и чужими деньгами. Какая разница, если ты умница в математике, а платить тебе будут совсем за другие свершения, младший искатель нестыковок Янина Вир? Пошли быстрее, напьемся и пусть все забудется.

Я послушно топала за своим куратором, а мое сердце рвалось к любимому. Наверное, он уже принял душ со сваренным мной лично для него можжевеловым мылом, и теперь спешит сдавать зачет по ненавистному ему снохождению. Его сущность не могла только наблюдать со стороны. Демонологи – это передовики, они лидеры, ведущие в бой отряды генералы. Смотреть со стороны, как мучается душа в оковах кошмара, для Руса пытка.

Меня резко дернули, привлекая внимание. Оказывается, мы уже прошли большую часть пути, и до домика Али нужно было только перейти по мосту через один из притоков речки с лирическим названием Верная. Она никогда не была бурной, не приносила в озеро муть и грязь. Вся школа стояла вокруг этого озера. На картах его не было, как впрочем и не существовало местной реки, полян и пары горных гряд. На просторах земли русской легко можно было затерять клочок земли и побольше, особенно с помощью полога стирающей вуали. Еще на первых уроках истории нам рассказывали, что школу построили до крещения Руси. Под видом отщепенцев, верующих в славянских Богов, многие нелюди избежали принудительного крещения. Потом был второй исход старообрядцев, ну, а когда люди забыли всю истинную веру, и принялись поворачивать под себя удобными углами первые заповеди, трактуя их на разный лад на съездах церковников, тут нечисть уже и не пряталась. О чем можно говорить, если священники верили в то, что вампир боится солнечного света и воды, над которой читали молитву, адаптированную на свой лад чуть ли не всеми приходами каждой страны? Сами того не понимая, Святые Отцы переписали заклятия от нашего брата, оставив их без сил.

Теперь мы свободно венчались в церквях, крестили детей, молились и помогали не инициированным своим собратьям. Отправляли их под покровительство таких мест, как наша школа. Мы не были злыми или кровожадными, скорее, справедливыми. Жили по законам души и подчинялись велению природы. Лесовики, болотницы, русалки, оборотни, и еще многие, о ком и не догадываются люди. Мы всегда были и будем. Этот мир больше любит нас, чем людей, подстраивается под нас и поддерживает места силы для нас. В отличии от людей, чувствующих в местах силы лишь бодрость, мы можем даже воскрешать своих собратьев при определенных условиях.

Стоя уже у самой двери, я оглянулась назад. Я буду скучать. Не только по Арсулану. По этому месту. Оно подарило мне куда больше, чем сейчас отнимал дух озера. Тут я была как дома долгие тринадцать лет, проведенные на обучении.

– Пойдем. Яна, тебе нужно забыть его уже сейчас, – усталым голосом позвала Аля, прикоснувшись к моему плечу. – Не хорони вас навсегда, думай об этом как о расставании и только.

– Это больно…

– Очень, но ты же настоящая ведьма, а значит, только смеешься в лицо невзгодам.

– Сегодня я хочу только плакать, – ответила я, повернувшись к ней лицом.

– А будешь пить! Цени мою самоотверженность, я ведь завтра принимаю зачеты у смежников. Ты даже не представляешь, какой бред они могут нести, с самыми честными глазами, стоя напротив моего стола. Так и хочется шарахнуть по столу и прописать пару дней отработки. – Жалуясь, она втащила меня в свой дом и закрыла дверь, отрезая от моего любимого навсегда.

А ведь когда- то давно, я уже ненавидела свое будущее…

Глава 1

Мама шла слишком быстро, таща меня за собой вместе с подпрыгивающим на выбоинах тротуара чемоданом. Иногда она дергала меня за руку, принуждая переходить на бег. Сегодня мы с мамой приехали в это странное место на такси, а не на машине дяди Эдика и его странного брата Артура с бешеными, но добрыми глазами. Я никогда не боялась Артура и даже радовалась, когда он забирал меня из детского сада, если мама не могла или не хотела делать крюк по пробкам, возвращаясь с работы. Я не понимала, почему воспитатели так подозрительно на него смотрели, часто не желая отдавать меня, и почему они названивали маме прежде, чем согласиться отпустить меня с Артуром. Он часто болел и оставался дома, но работодатели не терпели пропуски и выгоняли Артура регулярно.

Вчера он опять трясся и просил денег у мамы на свое лекарство, которое я уже давно не считала хорошим, ведь после каждого принятия белого порошка, в его теле скручивались узлом все органы. А сам мужчина закрывался в комнате и улыбался, смотря в потолок. Я много раз говорила про это маме, но она ругала меня и даже била, называя лгуньей. Вчера я решила помочь ему хоть чем- то, ведь до зарплаты еще целая неделя, и купить новую порцию лекарства для дяди Артура было не на что. Мой язык уже давно чесался от волшебных слов для доброго дяди Артура, но я его прикусывала, ведь мама запретила желать людям что- то большее, чем приятного аппетита. Называя мой рот проклятым.

Я пробралась в комнату Артура, пока мама была занята у своего компьютера, и, сжав ладошкой холодные, мокрые от пота пальцы, попросила его не покупать больше плохое лекарство.

– «Боли не слышать и не страдать. Укрепи свое здоровье, застолби его на век.»

Слова сами срывались с языка, и с каждым из них тело Артура расслаблялось, уходила его болезнь, оставляя чистым тело. Пусть еще слабым, но уже не нуждающимся в регулярных приемах белого порошка. Я завороженно смотрела, как алые всполохи внутреннего пламени затухали и выходили из него вместе с дыханием, как болячки в его животе заживали, прекращая истекать кровью – не красной, как мои сбитые коленки, а черной, вязкой и вонючей. Теперь он будет всегда здоровый, бодрый и веселый. Будет ходить на работу, а на обратном пути забирать меня и ему станут улыбаться мои воспитательницы…

Ворвавшаяся в комнату мама откинула меня к стене, отвесив пощечину, разбившую мои губы и заставившую голову кружиться. Она кричала проклятия, говорила, что ненавидит день моего рождения, что я разрушила их планы с дядей Эдиком. Схватив за руку, мама отвела меня в нашу комнату и кинув на кровать, заперла дверь, приказав не показываться ей больше на глаза.

Позже кричал и дядя Эдик, угрожал и грозился выкинуть нас с мамой на улицу. Я закуталась в одеяло и закрыв уши руками, терпела боль, вытирая кровь небольшим полотенцем, которое всегда висело на моем стульчике именно для таких целей. Мама часто била меня, и запрещала выходить из комнаты, пока я не приведу себя в порядок.

Слез никогда не было. Ни обиды, ни ненависти к этой женщине я не чувствовала. Она не хотела моего рождения и точно избавилась бы от меня, но бабушка, тогда еще живая и добрая, пригрозила, что завещает свою квартиру первому встречному, если она только попытается что- то предпринять. Вот мама и терпела меня рядом с собой. А после смерти бабушки, когда адвокат зачитал ей условия, оставленные покойной, мама не смогла отправить меня в детский дом, как говорила мне на похоронах у гроба той, кто любил меня по- настоящему.

С тех пор прошло больше года, и мама, по- видимому, нашла способ избавиться от меня в обход завещания. Собрав мои вещи в чемодан, она сказала, что отвезет меня в церковь. Сейчас мой чемоданчик подпрыгивал по выщербленному асфальту, громко стуча своими колесиками

и привлекая к нам внимание окружающих. Но мама шла вперед торопливо, не оглядываясь, наплевав на всех, а в ее душе царила радость от скорого освобождения от меня.

Я всегда, сколько себя помню, чувствовала когда мне врут, не договаривают или ненавидят, даже если люди при этом улыбались. Бабушка называла эти способности очень важными и требовала всегда слушать свое сердце, а не глаза. Еще одной странностью было, то что я помнила себя с самого первого вдоха в роддоме. Как толстая медсестра обтирала меня от маминой крови, как прочищала нос и рот какими- то трубочками, и как пыталась заставить маму приложить меня к груди. Но та отказалась, заявив, что это ожидающая в коридоре бабка хотела меня, а она не будет портить свою грудь. Тогда эти слова вызвали в душе всех присутствующих ненависть к ней, но она только ругалась на них, требуя оставить ее в покое. Кормил, пеленал и мыл меня только персонал, бабушка сослалась на неадекватность роженицы, хорошо приплатила за это. Все надеялись, что мама одумается, но чуда не случилось. Сейчас мамино терпение лопнуло, и она решила отказаться от меня, отдав хоть кому- то.

Дойдя до первого же служителя церкви, она потребовала позвать отца Игната. Жестко, грубо, без приветствия. Меня бы за такое она точно побила. Ведь старших нужно уважать, всегда относясь к ним почтительно. Мужчина если и удивился, но только кивнул и попросил подождать в беседке. Наверное, не хотел всеобщего внимания проходящих мимо мужчин и женщин, раз указал на самую дальнюю от нас беседку, но мама пошла туда также решительно, таща нас с чемоданом на прежней скорости.

Внутри беседки я села на лавочку без маминого приказа, сложила руки на коленках, и опустила глаза в пол. Сегодня было тепло и я одела белое платье с вышитым красным маком на подоле, подходящее под мои единственные белые туфли. Мама не сложила в чемодан грязные вещи, а только те, что были в комоде, куда я складывала чистую, новую одежду. Я смогла выбрать одежду из того, что лежало на стуле возле кровати. Туда я вешала то, что уже одевала, но не пачкала. В нашем доме стирали только в выходные дни, и дядя Эдик не любил, когда в ванной была полная корзина чужого грязного белья. Он вообще все делил на общее и свое. Покупал вкусный сыр только для себя, а нам давал его только если у него было хорошее настроение. В остальное время мама смазывала для меня бутерброды дешевым плавленым сыром, который крошился, и говорила, что на другой у нее нет денег. По ее словам, мое содержание сжирало все ее деньги, заработанные в магазине, торгующем нижним бельем. И раз меня кормили в саду, то нечего просить еще и дома еду.

Когда была жива бабушка, она всегда накрывала ужин и давала вечерний чай с печеньем перед сном. Сперва было тяжело ложиться спать голодной, но потом я привыкла. Да и хорошая нянечка в саду всегда давала добавку молочной каши за завтраком. Ведь не все дети ее едят, а кого- то кормят дома родители. Выливать еду в унитаз она не любила, вот и щедро раздавала оставшуюся кашу тем, кто просил добавку.

– Ну наконец! – воскликнула мама и я вскинула голову, желая знать кто так сильно ее разозлил. – У меня нет лишнего времени! Могли бы и поспешить.

– Я вижу вас первый раз в жизни, почему я должен торопиться, откладывая свои дела? – в беседку зашел мужчина в одежде священника.

Он выглядел молодо, но в его душе было что- то не так. Я такое раньше видела, но спросить, почему одни люди отличаются от других, могла только у бабушки. А бабушка обещала рассказать позже, но не успела. Маму злили мои вопросы, ведь она не замечала отличий вообще, даже когда я показывала ей пальцем на конкретного человека.

– Наглая ложь. Я видела вас тут в прошлом году, когда приезжала на крещение сына подруги. Вы один из них, из нечисти. Такой сильный, что я вас с большим трудом, но различаю, а эта видит и чувствует. И я требую, чтобы вы забрали ее к своим и освободили меня от ее заскоков. Она уже сейчас должна отправиться на обучение! С ней невозможно жить! – распылялась мама, тыкая пальцем в мою сторону.

Священник внимательно посмотрел на меня, а я решилась рассмотреть его более подробно. Черные короткие волосы, карие глаза, бледная кожа и алые потрескавшиеся губы, невзрачная однотонная одежда… Ничего примечательного. Однако, я уставилась на него, как завороженная. В его груди и теле яркими пятнами мелькали эмоциональные всполохи. Злость, презрение, ненависть, жажда, жалость, забота и нежность. Все они проносились маленькими смерчами, сбивая меня с толку, так как сама сущность у него была алого оттенка.

– Вы уверены? – спросил он, переведя взгляд на мою маму и вспыхивая отрицательными эмоциями еще ярче. – Обучение для такой малышки рано начинать. Ее дар стабилен и поддается ее полному контролю. У нас не детский сад, а закрытая школа с проживанием, от момента зачисления до самого выпуска. Непрерывным, между прочим, и если вы сейчас оставите вашу дочку тут, то увидите ее только в возрасте 19 лет. И это при условии, что она сможет освоить всю программу с первого раза.

– Спасибо, что дурака не включаете! Но вы явно меня не услышали. Эта дрянь портит мою жизнь! И поверьте, я точно не буду страдать, если получу свободу от нее. Пока отучится, так станет совершеннолетней, а значит я ничего не буду ей должна. А явится, так выставлю на улицу, захлопнув дверь! – откровенно ответила мама, словно сейчас перед ней была бабушка или я, но никак не посторонний мужчина.

– Простите, это точно ВАША родная дочь? – мрачно спросил отец Игнат, стремительно чернея в душе.

– Вы спрашиваете, родила ли я этого уродца? – гордо вскинув голову, мама одним взглядом дала понять, как отвратительно ей вспоминать этот факт. – Да, родила! Мучилась, страдала, а она в породу мой покойной мамаши пошла. Та тоже была проклятийнецей. Приносила всем только несчастье своими злобными словами. Моего отца выгнала из дома, чтоб ее черти драли в аду!

– Потише, уважаемая, следите за своим языком, вы в Доме Божьем, помните о правилах приличия.

– Нечисть давно испортила это святое место! – ткнула пальцем мама в сторону священника.

– Тем не менее, это вы пришли сюда и требуете у меня помощи. Не просите, а именно требуете. Вы не думали, что если вам не нужен ребенок, то лучше его отдать на удочерение? Подарили бы ей шанс на счастье в другой семье? – он скривил лицо, словно брезговал говорить с мамой.

– Да кому она нужна, такая уродина? Она же монстр! Как рот откроет, так кошмар начинается. Она жизни нам с моим любимым не дает. Сколько не били, так и не может держать свой грязный рот закрытым.

– Как интересно. А вы не думали, что привести ее сюда, не самая хорошая идея? Требуется заключить договор на принятие в школу, нужны ее документы для оформления. Ведь это не котенок- подкидыш, по окончанию школы она получит полноценный аттестат о полном среднем образовании, и сможет учиться дальше или устроиться на работу.

– В чемодане моя расписка, что я не имею никаких претензий к вам и полностью отказываюсь от нее. Там же ее документы: медицинская карта, свидетельство о рождении, страховой полюс. Нужные бумаги из сада я заберу и поднесу в понедельник или вторник. Всем скажу, что отправила ее к родителям объявившегося отца в другой регион.

– Вижу, вы уже все решили, – брезгливо усмехнулся мужчина. – Что же, можете уходить, но больше никогда не возникайте на ее жизненном пути. С этого момента мы станем оберегать ее всеми доступными нам способами. И поверьте, они вам точно не понравятся. Все причитающееся ей, у вас отберет наш адвокат. Советую не противиться этому, а то может так статься, что придется работать на лесоповале в колонии строго режима.

Мама сглотнула испуганно, отступив от него на шаг. Сейчас отец Игнат не был таким, как раньше. Скорее, он походил на монстра, надевшего маску священника.

– Найти вы ее не сможете, даже если одумаетесь или пожалеете отдавать, «вспомнив» о большой любви к дочери, подкрепленной материальными позициями в списке наследия вашей матери. Никогда не поверю, что ведьма не защитила своего потомка и ничем не владела в прошлом. Не первая вы кукушка на моей памяти, и не последняя. Вы, люди – трусливые создания, вы отталкиваете всех, кто не похож на вас. Находите тысячи причин, обоснований, но никогда не смотрите в свою уродливую сущность. Девочка ваша кровь и плоть, разве это не заставляет вас испытывать хоть какое- то сожаление?

– Конечно, я сожалею! О том, что потратила на эту тварюшку шесть лет своей жизни! Нужно было сразу принять таблетку от нежелательных последствий! – ответила мать, гордо вскинув подбородок.

– Уходите! Убирайтесь немедленно с моих глаз или я не сдержусь и убью вас! – мужчина специально показал маме свои клыки, сейчас выпирающие настолько, что приподнимали его верхнюю губу.

Глаза мужчины загорелись красным цветом, как елочная гирлянда, но это был не теплый оттенок праздника, а страшный и опасный. Я сжала подол своего платья и опустила голову. Я слышала, как испуганно икнула мама, как она торопливо вышла из беседки, оставляя меня с этим мужчиной один на один. Ветер играл листвой на деревьях и кустах, светило солнце, чирикали птички, слышались голоса людей, но в нашей беседке было тихо. Пока священник не присел передо мной на корточки и не заговорил:

– Привет малышка. Меня зовут отец Игнат и я очень хочу наконец познакомиться с тобой. Как тебя зовут?

Полностью спокойный как внешне, так и внутренне, он улыбался мне ласково и тепло.

Сперва бабушка, а потом и воспитатели в детском саду, учили меня, что говорить с чужими людьми нельзя. Но моя мама оставила меня ему навсегда, а значит доверяет, и он уже не незнакомец для меня. Подумав, я подняла глаза на священника и представилась:

– Меня зовут Янина Вир, мне пять лет и шесть месяцев. Мне приятно познакомиться с вами, отец Игнат. – Протянув руку, как это делал Артур, когда мы сталкивались с его друзьями, я улыбнулась.

– Вир – это фамилия твоей мамы или папы? – принимая ладошку и аккуратно пожимая мои пальцы, спросил он.

– Маму зовут Ксения Новикова, она взяла фамилию дяди Эдика. Папу я никогда не видела, и мама запрещала про него спрашивать. А Вир – это бабушкина фамилия. Она говорила, что ей ее дал мой дедушка очень давно.

– Вот как. Знаешь, а я помню твоего дедушку. Очень и очень давно, мы познакомились в одной школе, когда оба там учились.

Я удивленно посмотрела на такого молодого мужчину. Моя бабушка хоть и выглядела красивой, но была гораздо старше него.

– Правда – правда. Я очень старый, почти древний, но годы, которые провел в нашей с ним школе, буду помнить всегда. Там замечательно: лес кругом, реки, настоящее озеро и очень красивый замок, где живут такие же детки, как и ты.

– Их мамы тоже вам отдали? – нахмурилась я, представив сколько можно поселить в настоящий замок таких же ненужных детей, как я.

– Не всех. Некоторые там временно, только ради обучения, которое не могут им дать другие школы. – Честно ответил он, полыхнув сожалением и обидой в алой душе, но внешне остался спокоен.

– Там учат не быть проклятой? Когда я закончу учебу, мама меня будет любить? – с надеждой спросила я.

Это была моя мечта с самого детства, но я не была нужна маме, как другие дети своим родителям. Мне не дарили подарков, не покупали шоколадных яиц с игрушкой внутри или самого обычного шоколада. Всем мама говорила, что у меня аллергия и что мне шоколад нельзя. Она покупала только вещи, чтобы я была опрятной и красивой, делала все прививки и водила меня к врачу. Мои синяки заживали быстрее чем у мамы, хватало поспать одну ночь и все пропадало. И никто не знал, что она бьет меня. Мама говорила, что ей не нужны проблемы с проверками. Если я смогу стать нужной мамочке, то буду учиться очень хорошо и старательно.

– Понимаешь, малышка. Твоя мама, она уже не изменится… Ты знаешь сказку о снежной королеве? – нашелся он.

Я кивнула. Бабушка читала мне эту сказку и водила в кинотеатр на мультик.

– Вот и в сердце твоей мамы попала холодная льдинка, но никто не смог ее достать вовремя, и ее сердце уже не согреть. Прости, но ты никогда не станешь ей нужной. Я не хочу тебе врать, и я знаю, что ты понимаешь больше своих сверстников. Намного больше.

– Значит, мама меня никогда не полюбит? – сердце болело, хотелось плакать, но слез не было. Никогда не было. Я видела, как плакали другие дети. Как у них текут слезы от боли, обиды, просто из вредности, но сама я никогда не могла выдавить слезы из глаз. Меня хвалили в детском саду за покладистый характер и послушный нрав, но я просто не умела вести себя по- другому.

– Никогда. Но если хочешь, я сделаю так, что тебе не будет больно. – Он с надеждой заглянул мне в лицо. – Это не страшно и не больно. У меня тоже есть особенные способности и они помогут тебе двигаться дальше. Ты просто закроешь глазки, посчитаешь до десяти и тебе станет спокойно. А потом мы пойдем кушать булочки и запивать их компотом. Хочешь?

– Да. – Я согласилась и закрыла глаза.

Теплые пальцы легли мне на виски, и я начала считать про себя. В садике нас уже научили счету, еще мы решали простые примеры и учили алфавит. Я с нетерпением ждала, когда смогу сама читать книжки, которые покупала мне бабушка. Но теперь это было не важно. Мама не положила в чемодан книги. Она упаковала только одежду и обувь, даже зимнюю, купленную в магазине ношеных товаров на вырост. Также мама не положила мне моего мишку. Он не влезал, и она откинула его в сторону, сказав, что он слишком большой, а я уже не маленькая, и пора думать о серьезных вещах, не играть в игрушки.

– Вот и все. Открывай глазки, Янушка. Теперь мы можем идти искать нашего повара, и пока ты будешь кушать булочку, я найду для тебя комнату. А через пару дней, когда все будет оформлено, за тобой приедет добрая тетя и вы поедете на настоящем поезде, с другими детками в школу. – Он встал и взяв в одну руку чемодан, а во вторую мою ладонь, повел в красивое здание, стоящее чуть в стороне от того, куда все шли молиться. – Ты когда-нибудь ездила на поезде?

– Нет. Только с бабушкой на электричке к ее подруге на дачу. Там был настоящий колодец и вкусные спелые абрикосы, а еще персики. – Настроение было замечательное и я радостно принялась делиться с отцом Игнатом своими светлыми воспоминаниями из прошлого.

– Тебе понравились абрикосы? У нас есть булочки с такой начинкой. – Охотно поддержал он тему разговора.

– Да, я очень их люблю. Но можно мне кашу?

Сейчас Игнат был самым добрым и нестрашным. Я не испытывала к нему страха, как и к дяде Артуру.

– Кашу? – удивился Игнат. – Ты любишь кашу?

– Я все люблю. Отказываться от еды плохо, ведь так ты обижаешь повара, который для тебя это готовил. Так говорила мне бабушка.

– У тебя была чудесная бабушка, очень умная. Я не знаю, есть ли у нас каша. Сегодня на завтрак был омлет, – задумался мужчина. – Я, конечно, могу попросить повара, но быстро он кашу сварить не сможет. Ведь уже почти время обеда и он сильно занят.

– Я люблю омлет, – ответила я, пожав плечами. – Просто сегодня выходной, а я не хожу в садик по выходным. Обычно мама кормит меня бутербродом и чаем, но сегодня она спешила и забыла про мой завтрак.

– Ты хочешь сказать, что эта женщина не покормила тебя? А ужинали вы во сколько вчера? – опять нахмурился мужчина, сбиваясь с шага, от полученной от меня информации.

Душа его пылала злостью и ненавистью к моей маме. Сейчас я точно понимала это, чувствуя его, как саму себя.

– Я кушала на полдник в садике запеканку со сметаной и киселем малиновым. – Отвечая, я уже знала, что отец Игнат разозлится еще больше.

– А полдник у вас в три часа дня? Сразу после дневного сна?

– Да.

– И ты больше ничего не кушала? – продолжал допытываться отец Игнат.

Я не понимала, зачем ему это знать и почему это так важно, но отвечала честно. В его душе расплывалось темное пятно опасного недовольства. Так часто «полыхала» мама или дядя Эдик, прежде чем они били меня. Я точно знала, что недовольство отца Игната направлено не на меня, и это успокаивало.

– Нет. Я никогда не кушаю дома, если хожу в садик. Только иногда дядя Артур дает мне конфету или бутерброд с маслом и вкусным сыром, или даже колбасой, но только ему вчера было плохо. Так плохо, что я не удержалась и пожелала ему выздороветь от его болезни. А мама разозлилась сильно. Наверное, я зря лечила его, ведь мама запрещала мне это делать.

Мужчина остановился, присел рядом на корточки. Взяв меня за обе руки и смотря в глаза, он сказал очень добрым голосом:

– Янушка, запомни, помогать людям очень важно. Именно для этого нам и дана наша сила. Мы должны помогать. Я умею забирать у людей их ненужные яркие чувства. Не полностью, но так, что они могут жить дальше и не плакать. А ты можешь спасать их, даря снова здоровье или удачу, или встречу с любимым. Ты очень многое можешь делать. Ты не можешь воскресить, но все остальное тебе подвластно. Что- то произойдет сразу, что- то исполнится постепенно, но это очень хорошее умение. Нужное и волшебное. Это не проклятье. Ты мне веришь?

– Да. Раз вы говорите так, то я верю.

Отец Игнат кивнул, и встав, снова повел меня вперед. Мы вошли в светлую залу с кучей столов, накрытых белыми скатертями и деревянными стульями. На полу была светлая плитка, а еду тут выдавали у длинного стола.

Он подвел меня к самому первому столу, поставил рядом чемодан, помог сесть, и направился к наблюдающему за нами повару.

– Доброго дня, Инна Викторовна. Тут у нас малышка голодная. Ее не кормили со вчерашнего дня.

– Что, опять подкинула кукушка- мамаша? Что с ней не так? Глаза не устроили или цвет волос? – спросила повар, рассматривая меня внимательно и с грустью, на лице и в душе.

Она была пухленькая, розовощекая, с белым фартуком и с повязанным платком на голове.

– Не знаю, – в теле Игната вспыхнули пятна лжи. – Несла бред про свою свободу, про какое- то проклятье. Очередная городская сумасшедшая. Я даже не успел ее отправить к Отцу Сергею на исповедь, как она убежала.

– Ну и хорошо. Нечего таким красивым малышкам с психичками жить. Найдется для нее нормальная семья. Ну или государство воспитает, даст квартиру, если мамашка не отдаст ей

полагающее. Слышишь меня, девочка, не верь никому – в детских домах не так плохо, главное быть сильной и все получится.

– Я ее отправлю к знакомым. Там все точно будет хорошо. И пригляд нормальный, и проверит он ее мать от и до. – Ответил ей отец Игнат.

– Какой же вы добрый, отец Игнат. Идите, ищите ей комнату и вещи у двери поставьте. Я ее накормлю хорошо и присмотрю, пока не вернетесь. Тут ей точно бояться нечего, не первая она, ой не первая.

– Надеюсь на вас. – Кивнув ей, он вернулся ко мне, прихватив чемодан за длинную ручку. – Янушка, кушай и не переживай. Я скоро вернусь.

– Хорошо.

Стул был высокий, но я привыкла сидеть на таких. Повар скоренько накрыла мне на стол, налив густой борщ, на отдельную тарелку положила гречку с салатом и большой котлетой, поставила хлеб, несколько пирожков и компот.

– Кушай, моя хорошая. Не спеши. – Она погладила меня по голове и протянула ложку. – Все свежее, еще горячее. Захочешь еще, я дам. У меня много.

– Спасибо. Приятного аппетита.

Взяв ложку, я стала есть наваристый борщ, потом перешла на второе и салат. Когда я уже жевала второй пирожок, запивая компотом, вернулся отец Игнат.

– Ну как? Наелась? Готова идти отдыхать? – спросил он, отставив пустую посуду в стопочку и относя ее обратно повару.

– Да. Спасибо, все было очень вкусно.

Я улыбнулась доброй женщине. Я знала, что мои заговоры тут не нужны. Ей не требовалась моя помощь, ее счастье само скоро найдет ее здесь. Осталось подождать только год или два.

– На здоровье, малышка. Иди отдыхай теперь. Если захочешь еще чего, попроси любого местного взрослого проводить тебя ко мне.

– Хорошо.

Выйдя из столовой, мы направились в соседнее здание, на второй этаж, где располагались отдельные комнаты. Заведя меня в одну из них, отец Игнат застелил кровать, показал, как дойти до общего туалета и душа. Дал несколько детских книг с картинками, попросив не выходить на улицу самостоятельно, а ждать его. Потом достал из чемодана мои документы и ушел. Еще ему не понравились мои вещи, он сказал, что для того места, где находиться школа, они слишком легкие, не по погоде. Но отец Игнат пообещал разобраться с этим самостоятельно.

Следующие два дня я выходила только в туалет и в столовую. Окружающие не удивлялись моему нахождению тут. Мне даже дарили разные подарки. Не игрушки, а теплые вещи, говоря, что это нужное и правильное. Шарфик, шапку, варежки, колготки, майки, свитера, комбинезон, куртку, несколько пар ботинок теплых и пальто. Набралось на еще один чемодан, но отец Игнат так хорошо все сложил, отжав воздух из специальных пакетов, что все поместилось в один, но не мой, а больший, который он сам принес. Он просил не отказываться от помощи и брать все, что они смогли найти. Эти вещи в большинстве своем были не новыми, но зато очень красивыми. Еще мне нашли вместительный рюкзачок, в который положили несколько новых игрушек, книжек и набор карандашей для рисования.

На утро четвертого дня мне собрали большую корзину еды и проводили на вокзал, где меня встретила женщина, около которой стояли еще четыре ребенка с потухшим взглядом. Отец Игнат передал ей меня и мои вещи, и пообещав иногда навещать, помог нам загрузиться в купе, и ушел. А нам всем предстояло ехать три дня. Мне не было страшно, я уже привыкла быть рядом с чужими людьми, которые зачастую делали мне больше добра, чем родная мама.

Глава 2

Поезд тронулся почти незаметно для меня. Только минуту назад люди шли вперед по перрону, а сейчас мы обгоняли их, набирая скорость. И наш вагон уносил нас всех далеко от наших бывших родных домов и людей. Няня была доброй и напоминала чем- то отца Игната. Она даже походила на тех людей, с которыми я жила последние дни. Может они и не были такими же необычными, как я, но относились ко мне хорошо, не требуя ничего взамен.

Сопровождающая нас взрослая помогла всем детям убрать чемоданы и рюкзаки, потом помогла переодеться в более удобные вещи. Далее она усадила нас на одну полку и выдала большую красивую книжку с картинками. А сама сходила к проводнику за постельным бельем и чаем, который тут подавали в стаканах с необычными красивыми подстаканниками. Поезд уже резво стучал колесами, покачивая наш вагон и заставляя детей держаться за стол или матрас.

Олеся Ивановна, наша сопровождающая, проворно застелила верхние полки. Она затребовала у проводника дополнительные подушки и одеяла, а еще специальные сетки для нас, чтобы мы не упали ночью, неудачно повернувшись. Хмурый проводник сперва не хотел отдавать ей целых три такие конструкции, но она не уступила. Вызвав в наше купе главного проводника, отчитала усатого толстого дядьку, ткнув его носом в то, что в наших билетах прописано и оплачено все необходимое. И если проводники не хотят неприятностей, то им следует выдать надлежащие вещи, даже если для этого придется перетрясти все вагоны состава.

От каждого сказанного взрослыми громкого слова, дети вздрагивали, что не укрылось от нашей няни. Разозлившись, она пригрозила, что на следующей остановке позовет в наше купе полицию и заставит принять у нее заявление в мошенничестве лично на этих двоих, но получит полагающееся нам. Показав им какое- то удостоверение, она получила все требуемое через пару минут. Все остальные дни в пути, нас никто не беспокоил, и впредь проводники сами приносили горячую еду в положенное время.

Первый день мы ехали практически молча. Няня, Олеся Ивановна, пыталась задавать вопросы четверке младших детей, но они боялись ее, и отвечали на все только да или нет. Я пыталась помочь ей, сама спрашивала ее о школе, о расположении, об условиях проживания. Мне было интересно все! Чем будут кормить, как часто, на чем спать, и что значит «соседка по комнате»?

Оказывается, селят в школе по двое, для более быстрой адаптации детей, причем всегда со старшими ребятами, обладающими одинаковыми способностями. Это помогает быстрее привыкнуть и втянуться в жизнь школы.

Кормят четыре раза в день в общей столовой. Учить нас будут, как и в детском саду: лепке, рисованию, конструированию, математике и первому письму. Для тех, кому этого будет мало, есть занятия различными языками, куча кружков по рукоделию, а твой старший сосед всегда готов помочь освоить чтение. Также в нашем распоряжении будет огромная библиотека. Но лучше бы мы пока проводили время за игрой, в специальных комнатах, обустроенных только для этого.

Для меня было трудно представить полную игрушек комнату, но я решила, что это похоже на большой магазин детских товаров, куда мама водила меня для покупки новой обуви. Там были куклы, мишки, мячики, все это лежало на полках и выглядело так красиво, что я любовалась всем этим, пока мама оплачивала покупки.

Пока мы с няней разговаривали, присутствующие ребята прислушивались, но не задавали своих вопросов. У нашей няни не вышло нас подружить так быстро, как она хотела. Четверо деток были младше меня, даже на первый взгляд. Два мальчика трех и четырех лет, и две девочки по четыре с половиной года, только исполняли все, что говорила Олеся Ивановна.

Садились на железнодорожные кровати- полки, ели что давали и по приказу ложились спать. Олеся Ивановна, смотря на это, качала головой, и часто протягивала руку погладить их, но не касалась, словно боялась испугать еще больше.

Продукты из моей корзинки кушали все дети, но при этом не просили добавки, хотя я видела, что они смотрят на еду голодными глазами. На обед, ужин и завтрак нам приносили горячую еду с ароматным чаем и печеньем. Все это было из загадочного вагона- ресторана, который я представляла себе, как смесь огромного холодильника с плитой для подогрева.

Спать меня, как старшую, положили на верхнюю полку. Напротив легла няня, а мелких устроили по двое на нижних полках. Я чувствовала себя достаточно комфортно в тишине, засыпая под едва уловимый стук колес и уносясь мыслями в сказочное место. Остальные дети, отвернувшись друг от друга и укутавшись каждый в свое одеяло, притворились спящими. А Олеся Ивановна еще долго смотрела на всех нас, тяжко вздыхая, и в ее душе расползалось пятно грусти.

На второй день дети уже стали чуточку смелее, отвечали на вопросы няни более подробно, кивали и даже пару раз попросили пить.

На третий день, после обеда, мы наконец приехали. Нас встретили несколько машин, со взрослыми мужчинами- водителями и специальными креслами для детей. Рассадив нас по местам, проверив все крепления, мужчины двинулись в путь. Меня и еще одну девочку посадили назад с одним сопровождающим на месте водителя, а няня осталась вместе с остальными детьми. Наш водитель был такой же, как и отец Игнат, с такой же сущностью внутри, тогда как своих попутчиков я так и не опознала. Хотя на людей они не были похожи: и другая душа, и что- то странное внутри присутствовало у каждого, но названия всему этому я еще не знала.

– Ну, девочки, давайте знакомиться? Я Рустам, добрый вампир. Бояться меня не нужно, но слушаться желательно. Ехать нам много часов, если захотите в туалет, или кушать, пить, говорите. На заправках и в придорожных кафе я смогу найти вкусности для вас. Только прошу не убегать, если остановимся в дороге. Договорились? – он поглядывал на нас, смотря в маленькое зеркальце на лобовом стекле, и улыбался по- доброму.

Черные короткие волосы, светлая кожа и серые глаза на узком лице, и яркие алые губы. Я сразу увидела его сущность – очень открытого, веселого и доброго вампира. Он хотел сразу же нам понравиться, стать другом, защитником, к которому мы сможем прийти, если потребуется помощь в будущем.

– Хорошо, – ответила я, улыбаясь также открыто, а моя соседка только согласно кивнула, глядя на него настороженно.

Мы уже вырулили на широкую дорогу и быстро ехали по городу, а за окном проносились людные улицы и высокие здания большого города. После полей и лесов, мелькавших за окнами вагона, это было захватывающим зрелищем.

– А как вас зовут? – спросил Рустам.

– Янина Вир, – представилась я первой.

Я уже хотела задать вопрос про злых вампиров, но меня перебила соседка.

– Кирилла Оденцова. Приятно с Вами познакомиться. – Голос у нее был сиплый, что не удивительно, ведь она молчала весь последний день.

– Какое необычное имя. Дай угадаю – папа хотел сына, вот и назвали тебя, как только ты родилась, столь необычно? – усмехнулся Рустам. – Что же, зато ты точно будешь особенная и узнаваемая, с таким- то именем.

– Угу, – ее щеки покраснели и она отвернулась к окну, не желая продолжать тему своего красивого имени.

– А ты значит из наших, из вампирского рода. Вир – это точно фамилия моих собратьев. Я, между прочим, Рустам Тад, и если не вдаваться в подробности, то такие необычные короткие фамилии у всех вампиров уже очень- очень много лет.

– Это фамилия моей бабушки, но мама ее называла проклятущей ведьмой, а не вампиром. Но фамилия у нее от дедушки. Правда я его никогда не видела, – пожала я плечами, и уже привычно разъяснила странность такой передачи имени.

– Ну, дедушка – это тоже близкое родство, – задумчиво произнес Рустам, внимательно посмотрев на меня и отвлекаясь от дороги. – Могут и его гены проявиться. А ведьм- проклятийнец не существует. Ошиблась твоя мама. Есть ведьмы, исполняющие желания, как золотые рыбки из сказки. Но только честнее вы и не желаете всякий бред всем подряд. Помогаете многим достойным, это очень ценный дар. Тебе повезло.

– Правда? – удивилась я.

Уже второй вампир убеждает меня в особенности моих способностей, тогда как мама ненавидела за них. Так кому же мне верить? Кто из них говорит правду? Как в этом разобраться самой?

– Правда- правда. Вот приедем в школу, там научат тебя как правильно желать, и как понять, кто достоин помощи, а кто сам виноват в своих бедах.

Рустам поглядывал на нас с соседкой в зеркало и улыбался.

– Кирилла, а ты у нас кто? Какие у тебя способности?

– Я говорю людям неправду. – Грустно вздохнула она, не отвлекаясь от улицы и проносящихся мимо машин.

– Это какую? – нахмурился Рустам, потеряв свою улыбку и сжав руль крепче.

– У вас родится сын через столько лет, – она показала три пальца. – Вы назовете его Амир, потому что это означает правитель на языке вашей жены. Вы будете очень счастливы и подарите молодой маме новую машину цвета искрящегося снега.

Все это Кирилла говорила спокойно, почти безразлично, а в душе росло пятно печали и ожидания физического наказания.

– О! Так ты из рода Белых Баб, – подпрыгнул от радости на сидении Рустам, опять загораясь улыбкой и счастьем. – Это очень особенные и редкие одаренные. Вам свойственны очень точные предсказания, но за них вам нужно дарить соответствующие дары, обязательно белого цвета. Вот только, где я сейчас найду сопоставимое с тем, что ты предсказала мне?

– Не нужно ничего, – пожала она плечами, – главное, не злитесь на меня за мои слова. А подарков мне давно никто не дарил.

– Ты что- нибудь хочешь? Вот все что угодно за такую новость подарю. – Продолжал настаивать наш водитель.

– Зверька хочу. Белого. – Выдохнула Кирилла, и зажмурила глаза, ожидая боли, а в ее груди все потемнело, став черным с кровавыми прожилками.

– Хорошо. Вот в первый же выходной и подарю тебе самого белого и хорошего, только за ним придется хорошо ухаживать. Справишься? – спросил у нее Рустам, все еще радостный и сверкающий, как новогодняя гирлянда.

– Угу. Мы с ним вместе потом уедем в холодную страну. Когда школу закончим, – расслабилась Кира.

– Даже так? А что скажешь Янине? Какое у нее будущее? – глянув в мою сторону, спросил он.

Я не знала, хочу ли знать свое будущее. Нужно ли это знание? А вдруг это будет что-то плохое?

– Ее будущее в прошлом. Когда она узнает свою историю, тогда и вернет свою судьбу себе. Не спрашивайте меня, что это значит, я говорю то, что приходит в голову. Твоя судьба делает петлю, в которую ты попадешь, когда закончишь школу, и выберешься из нее только через много- много дней, прожив там больные события.

Кира отвернулась опять к окну, а я задумалась, как такое может быть. Наверное, что- то на моем лице отобразилось, раз Рустам решил объяснить мне ее слова.

– И так бывает, – кивнул он, усмехнувшись – Янина, это означает, что твоя судьба поможет раскрыть тайны из твоего прошлого. Это очень хорошо и даже полезно бывает. Не беспокойся. До выпуска из школы ты успеешь вдоволь пошалить и побаловаться, а потом, когда придет время исполнения предсказания, ты сможешь использовать весь свой приобретенный за время учебы опыт.

– Хорошо, – я пожала плечами, не особо радуясь перспективе.

О каком баловстве он говорил? Мама часто била меня, если я раскидывала свои вещи со стульчика или игрушки, называя это баловством. А в садике некоторые дети дрались игрушками и это тоже называли баловством.

– Я тоже должна тебе подарить белого зверька?

– Нет. Цветок. Когда захочешь, но можешь и совсем скоро.

Кивнув, я отвернулась к окну. Мы уже выехали за город и сейчас неслись по пустынной дороге, а кругом был лес. Зеленый и яркий, казавшийся чуждым рядом с ровной дорогой, с ее разметкой и указателями. Я никогда не была в настоящем лесу, только видела его в телевизоре, и там он казался сказочным местом, полным чудес, грибов и ягод. А слова Киры меня не заинтересовали. Кто знает, когда это предсказание случится. Раз я должна закончить школу, то уж точно не скоро.

Потом мы поужинали в красивом кафе у дороги, вместе с остальными детьми и взрослыми. Нас везли няня, Рустам и еще один мужчина, представившийся Макаром. Мы ели, сидя за самым большим столом в этом зале, на котором было очень много вкусных блюд. Мелкие заглатывали еду почти не жуя, и это заставляло взрослых хмуриться. Взрослые вообще странно реагировали на то, что мы кушали все и никогда не спорили с ними. Чудные они, эти необычные взрослые. Если бы и их кормили, как меня моя мама, то и они бы не спорили, а с радостью молча брали все, что дают. Главное спать спокойно и не мучиться от голода ночью, если проснешься от бурчания в животе. Вот мелкие меня понимали, им это было знакомо, раз так спокойно впихнули в себя все подряд со стола. Даже когда в душе вспыхивали пятна отторжения к луку или сметане, как у самого маленького мальчика Ильи, дети не жаловались и жевали все молча.

После еды мы поехали вперед по дороге, опять тем же составом. Мы с Кириллой быстро уснули, а Рустам и не думал нам мешать. Музыку не включал, радио не слушал, по телефону не болтал. Было тихо, тепло, сыто и безопасно.

Проснулась я только утром, когда Рустам громко объявил, что мы подъезжаем. Потирая глаза, я увидела накинутый на меня и Кириллу пледы, закрепленные на наших плечах. А потом выглянула в окно. Мы приближались по извилистой дороге, к огромному зданию с кучей башенок и этажей. Вокруг росли большущие елки и бежала небольшая река. Из- за тумана рассмотреть само здание было сложно, а его дальняя часть сливалась с горами, которые тянулись все дальше и дальше. Пасмурное небо нависало так, что казалось, будто башенки вот- вот проткнут его и пойдет дождь.

– Красиво, – произнесла Кирилла, опередив меня на мгновение.

– Этому зданию уже более тысячи лет. Здесь скрылись от преследования наши с вами предки, когда князь Владимир Святославович принял единую религию для нашего государства. Впрочем, сейчас не стоит забивать вам голову. Просто помните, что здесь может найти свое место каждый из тех, кто отличается от обычных людей. Мы жили всегда и везде. Нас называют нечистью, демонами, злыми духами, но мы обычные в нашем понимании. Мы рождаемся, растем, любим своих детей и очень редко творим зло специально. После окончания школы, научившись контролировать себя, часто возвращаемся к людям и живем как они. Но бывает и так, как с вами, когда наследие предков проявляется через поколение или даже два. Обычно, когда родители видят, что их ребенок отличается, они начинают сторониться его, списываю все свои несчастья на него. Вот как с тобой, Кирилла, ты ведь предсказывала маме,

где ее ждет хорошее, а где плохое? И пока ее устраивали твои слова, все было хорошо, но стоило только предсказать несчастье, как она испугалась.

– Да. Она стала запирать меня в ванной, не выводить на улицу, и запрещала смотреть ей в лицо. – Едва не плача, произнесла девочка, сжимаясь как пружина, внешне и внутренне.

– Вот про это я и говорю. Люди – трусливые двоеверцы. Они могут открещиваться от существования таких необычных, как мы, и тут же плевать через левое плечо и праздновать масленицу. Все это сложно, и в этом месте вам помогут понять, принять и использовать свою сущность так, чтобы быть своими среди обычных людей, без боязни быть раскрытым. Ну говорит кто- то пару строчек с пожеланием здоровья или удачи. Мелочь! Значит просто поэтом хочет стать, себя пробует. Или вот ты, Кирилла, предсказываешь будущее, но не сразу, а сперва говоришь, что твоя бабушка была настоящей цыганкой и тебя чуть- чуть научила. Берешь за руку и долго рассматривая то правую, то левую ладонь, даешь свое предсказание. А потом заканчиваешь фразой – «с тебя, милый мой друг, ромашка белая или платочек чистенький». Все это с улыбкой, шуткой. И все в порядке. Ведь цыгане, они такие, просят позолотить ручку и видят больше других. Им можно, а тебе, такой маленькой и круглощекой – нет.

– То есть вы будете учить нас быть как все? – спросила моя соседка, внешне нахмурившись, но радуясь в душе.

– Всему учить будем, и этому тоже. На все хватит времени, ведь мы еще и живем очень долго. Некоторые способны, по собственному желанию, менять свой возраст, но не все так могут. Обычно мы просто переселяем в новый регион, где столкнуться со знакомыми будет сложно. Еще учим изменять внешность, голос, говор, подбирать одежду по- другому. Обычно этого хватает и люди считают, что просто столкнулись с очень похожим человеком. – Со знанием дела рассказывал Рустам, явно уже переселявшийся в другое место.

– Не понимаю, – сказала я, нахмурившись. – Как же так может быть, что человек легко может перепутать своего знакомого, не поняв по его душе, что рядом его бывший сосед или сослуживец.

– Это сейчас не важно. Вы подрастете, и все для вас станет ясно. – Рустам усмехнулся и кивнул головой, указывая вперед. – Вот мы и приехали. Теперь, малышки, все у вас будет хорошо. Больше нечего бояться. Вы сможете играть, расти, развиваться, шкодить, и быть самыми веселыми и обычными детьми…

Наш водитель, словно завис в своем прошлом, расползавшемуся по его душе разными пятнами эмоций. Как хороших, так и печальных, темных и холодных для меня.

Итак, мы въехали в распахнутые ворота и остановились у крыльца. Там нас уже ждала очень красивая, светловолосая женщина, с необычно яркой и светлой душой. Рустам высвободил нас из плена ремней детских кресел и крепко держа за руки, повел к ней.

– Вот, Элеонора Ждановна, наши новые ученицы. Кирилла и Янина. – Он указал на каждую из нас, поворачивая голову к той, о которой в данный момент говорил. – Очень одаренные девочки – одна шепчущая ведьма, а вторая белая баба.

– Рада вас приветствовать, девочки. Мы тут все как одна семья.

Подъехала вторая машина и из нее вышли остальные.

– Как вас зовут, дети? – спросила у малышей Элеонора.

– Это Роман, Илюша и Машенька. Они талантливые представители очень добрых видов наших собратьев: хмельной шиши, луговик и кикимора. – Представила малышей Олеся Ивановна.

– Это замечательно! Такие юные, но уже с проснувшимися талантами. А это значит, что ты, мальчик, – Элеонора Ждановна присела рядом с Романом и погладила его по груди, – когда станешь большим, сможешь лечить от пьянства, возвращая в семью отцов и матерей. Это очень нужное дело. А ты, Маша, сможешь найти себя как эколог, будешь спасать пресные водоемы и

их обитателей. Вода будет всегда чистой в том водоеме, рядом с которым поселишься. А наш замечательный луговик, Илюшка, сможет стать чудесным сельским жителем.

– Нет. Он будет растить зерно на огромных полях. Он будет директором целого завода. – Вставила свое предсказание Кирилла.

– Вот видишь, красавчик, какое будущее тебя ждет? – Элеонора поцеловала Илью в щеку, отчего мальчик отпрянул. – Не бойся, никто не причинит тебе больше вреда. Ты теперь наш любимый мальчик.

Илья долго смотрел на Элеонору, и вдруг кинулся в ее объятия, начав рыдать и завывать в голос. Я сама была готова заплакать. Со смерти бабушки никто не относился ко мне так тепло, не называл меня малышкой и не обещал, что все будет хорошо. Слезы побежали ручьем и у остальных детей. Они ревели, шмыгали носами и прижимались ко взрослым. По поведению принявших их успокаивать мужчин и женщин, стало ясно, что это было обычным делом в этом месте.

Достаточно быстро нас развели по комнатам и поселили к старшим деткам. Моей соседкой стала девочка- ведьма двенадцати лет, с звучным именем Лена Громова. Она обещала и присмотреть, и показать, что тут где, а еще поделиться хитростями местного проживания. Лена была красавицей с черными прямыми волосами и синими глазами. Она весело улыбалась, пока мы разбирали мой чемодан, все время обнимала меня, гладила по волосам, как если бы я была ее младшей сестренкой, которую она очень давно ждала.

– Ты не бойся, Янушка, мы тут все дружим. Конечно, бывают мелкие склоки или конфликты, от них никуда не денешься, но это мелочи. Мы друг для друга, как огромная семья. Мы все необычные, и мало кто из нас нужен отцам и матерям. – С яркой улыбкой, буднично сообщила она.

– Тебя тоже бросили? – спросила я, не понимая, чему тогда радоваться, раз родные люди отказались.

– Ага, четыре года назад с вещами выставили из дома с одним рюкзачком вещей и тетрадками первоклассника. Отдали в детскую комнату полиции как воровку, даже подкинули побрякушку золотую. – Отмахнулась она, но, заметив мое сочувствие, пояснила. – Моя мама давно умерла, отец женился второй раз, быстро найдя ей замену, а мачехе не хватало денег. Он подался на буровую, а меня она сперва как сбегающую из дома подставляла. Завезет в парк, я отвлекусь, а она в машину и по газам. Через час – два уже в отделении полиции пишет заявления на меня, «сбежавшую», заливаясь крокодильими слезами. Еще она обливала меня спиртным перед школой, прямо в машине. Подливала его в мой термос с чаем, в кефир фруктовый, что я из дома брала на обед. А учителя видели, как меня шатает и как от меня воняет алкоголем, и сообщали, что я пьяная прихожу, сперва директору, потом участковому и другим инстанциям. И как вишенка на торте – ее подруга обвинила меня в воровстве. Отца нет в городе, я неуправляемая, постоянно убегающая, пьющая воровка. Мачеха ничего сделать со мной не может, да и не удочеряла она меня после их брака. Вот и попала я в полицию, и как результат, в детский дом. Хорошо, что там наши были, вот и предложили, спешно приехавшему отцу, отправить меня в этот спец интернат. Он сперва писал мне сообщения, звонил регулярно, потом все реже и реже. Теперь совсем забыл. Даже на день рождения не позвонил. Недавно они сообразили нового ребенка себе. Не пьяницу, не воровку, не фантазерку. Скажем так, версию 2.0

– Но ведь ты не такая! Я вижу! – возмутилась я.

Я сразу поверила, что Лена точно не пила и не воровала. А вот от такой злобной тетки и я сбежала бы сама, но так, чтоб ее наказали за это.

– А кого это интересовало там, в чужом для меня мире? – пожала Лера плечами. – Они верят только ей – взрослой женщине, а не девочке, от которой пивом воняет и у которой голова кружится.

– Она плохая женщина.

– Согласна. Но я не хочу к отцу больше. Как исполнится восемнадцать лет, попрошу Элеонору Ждановну отсудить часть квартиры, которую мама мне завещала еще при жизни. И придется папочке съехать из трешки в центре столицы на окраину, со всем его семейством. А не захочет, так я поступлю как Мишка, что окончил школу в прошлом году. Он к отказавшемуся от размена папочке подселил алкашей, но свою часть квартиры застраховал на все, что только можно. Мишка не только получил от родителя свои деньги, так и компания страховщиков денежек отсыпала. – Лена усмехнулась, и в ее душе заплясали яркие пятна счастья. – Я сама поступлю учиться и сразу буду работать по профилю нашему. Мы, ведьмы, лучшие детекторы лжи, видим вранье в душе человека, слышим в тембре голоса, а еще можем исправить будущее. Тебе помогут научиться всему этому, и я тоже буду тебе помогать. Оплата труда у нас приличная, за годы обучения накоплю еще денег и куплю приличное жилье. Может, перееду куда, но это не скоро будет.

Я не понимала все слова, что Лера использовала, пока рассказывала про свою жизнь, но мне хватало и ее искренних эмоций. Она любила папу, но он ее предал, выбрав новую жену и ее правду. И теперь Громова любила школу всем сердцем, намного больше, чем своего родителя.

Она показала мне все школьные пути, пока вела в столовую на ужин. В столовой посадила за свой стол и познакомила с друзьями – взрослыми ребятами с разными пятнами в душах. Я уже поняла, что большие пятна – это отражения их сущностей, и у каждого вида их сочетание было особенное. А мелкие, те, что вспыхивают как реакция на слова или увиденное, это чувства существа.

Потом меня отправили спать. Лера укачивала меня, напевая колыбельную, и гладила по волосам. Я, наверное, в первый раз не хотела засыпать, но усталость взяла свое. Проснувшись, мы поели, и гуляли вокруг школы аж до ужина. Ну а после него смотрели мультики и развлекались, играли в настольные игры.

До самого начала учебного года Лера учила меня читать, считать и понимать себя как ведьму. Она рассказывала интересные истории, заботилась обо мне и даже посвящала в свои взрослые розыгрыши и проказы, от которых стонала вся школа. За участие в таких розыгрышах мы получали наказания, но не физические, а часы отработок – работали в теплицах, на кухне, ухаживали за животными, помогали со стиркой и уборкой. Вскоре к нашим забавам примкнула и компания мелочи, что приехала вместе со мной. Все это было весело и интересно. Мы словно заново учились жить, не оглядываясь на строгих родителей.

Лера говорила, что с годами я сама стану опекуном такой же маленькой ведьмы, а значит, должна сполна познать местный быт. Такова давняя традиция этого места. Новичкам гораздо легче освоиться в школе, если им помогают те, кто сам недавно был на их месте. Работало это отлично. Все приехавшие со мной дети уже смеялись, шкодили и весело кричали в коридорах, пробегая мимо взрослых, иногда задевая их и извиняясь за это. Они больше не зажимались от страха, и это была огромная разница с теми забитыми мальчиками и девочками, ехавшими в одном купе со мной. Я радовалась за них и за себя. Тут определенно было куда лучше, чем у меня дома с мамой, которой я была не нужна.

А время бежало вперед, складываясь в годы. Сначала меня причислили к младшей группе, в которой я была до восьми лет. В группе учили клеить поделки, лепить из пластилина, рисовать, делать аппликации. Как в детском саду с проживанием, из которого никто не забирает домой. Но здесь это было нужным. Мой дом был тут.

Глава 3

Янина и компания через 8 месяцев. За пару дней до весны.

Я и Ромка крались по коридору, стараясь никому не попасться на глаза, и скрывая свой запах, присыпая пол черным перцем и порошком горчицы. Эту хитрость, защищающую от любопытных носов, рассказала мне Лера, но раньше я ею не пользовалась.

Большая часть проживающих на этом этаже, сейчас смотрели мультики в комнате отдыха или играли в настолки, и не могли нас заметить. Тех же, кто мог прийти сюда не вовремя, отвлекали Кирилла и Машка. Первая легко могла дать забавное предсказание, на которое тут велись все. Впрочем, это не была бы ложь, а скорее бесплатная акция малолетней предсказательницы. Впрочем, не совсем бесплатная, так дар нашей Кириллы не работал. За предсказания ей все дарили разные белые вещи: предметы, растения, зверье. Я откупилась за непонятное обещание, что пока ничего страшного в моей судьбе не случится, белой фиалкой, подаренной соседкой по комнате. А вот наш давнишний водитель Рустам подарил Кирилле белого маленького песца. Миленького, славненького, но очень полюбившего грызть чужие тапки. Жаль, что не все этим также умилялись, как его хозяйка и ее соседка. Некоторых приходилось убеждать держать свои вредные порывы в сторону зверька при себе, чем мы сейчас и занимались.

Пару дней назад, Дружок пробрался в комнату Маргариты и Миланы, и отгрыз помпоны на тапочках последней. Мы, возможно, могли свалить все на какую- нибудь мистическую хрень, которой тут было полно. Но маленький проныра принес добытые кислотно- розовые шарики своей хозяйке в дар, прямо в общем зале. Милка сразу узнала свою собственность и развопилась на всю округу, задействовав свой дар.

Она плакала, топала ногами, и кричала своим громким голосом Гамаюна, требуя наказать Киру за проделку ее зверка. Старшие дети только смеялись над ней, а воспитатели советовали убирать свою обувь в шкаф, а не бросать где попало, как она делала обычно. Все бы на этом и закончилось, но она пробралась во все комнаты нашей компании и добавила в наши шампуни стирального порошка. Казалось бы, что тут такого, ведь пенится и то, и другое, но нет… Разницу мы, девочки, заметили утром, когда не смогли расчесаться, выламывая зубья расчесок. Мальчикам было проще с этим, но зудящая кожа головы сделала их нашими соучастниками.

Расспросив Леру, как можно отомстить, мы решили склеить туалетную бумагу «вражины» суперклеем, а в довесок связать узлом всю ее одежду. Соседка советовала еще и намочить получившийся моток, но мы решили не портить шкаф, в который хотели затолкать все это обратно.

Пробравшись в комнату Миланы, Ромка сразу рванул с тюбиком клея в туалет, а я нашла ее шкаф и принялась за свое черное дело. Насвистывая «у Мэри был козленок», я связала рукава рубашек со свитерами, добавила колготы, потом штаны, носки, трусы, дальше майки и шарфы, и закончила куртками. Ромка освободился быстрее меня, и уже вместе, мы скатали один большой шар из получившейся «нити» и с трудом запихнули в шкаф, подперев его дверцу стулом.

Пусть теперь Милана истерит и развязывает свое мятое барахло. Не мы это начали, но терпеть не станем. В отличие от нее, мы не портили ничего дорогостоящего и не наносили ей прямого физического вреда.

А как по мне, так с нее было достаточно и тех извинений, которые ей принесла Кирилла еще в общей зале. Тоже мне, птица счастья! Подумаешь, поет красиво! Мало ли таких в школе?! Тапки были общие, причисленные к форме школы, и ей выдали новые уже утром. Приклеить обратно отодранный мех могла даже криворукая Милана. Но и наказывали мы ее не за это, а за саму возникшую в ее голове идею, что мы будем терпеть такое отношение к себе. Она была старше Киры, и должна была повести себя как взрослая – простить или сделать

вид, что простила. Но она исподтишка сделала гадость всем нам. И в отличие от нас, следы не зачислила. Первый же старший оборотень ответил нам, кто виноват в нашей беде. А дальше мы были в своем праве. Именно так нас учили наши старшие соседи.

Янина и компания. Прошел 1 год. Лето.

Илюшка махал кисточкой с краской так, что больше поливал ей землю, чем орошал белыми каплями стену. Получив от него пару капель себе в лицо, я вспылила, призывая к порядку и осторожности:

– Слышь ты, олигарх будущий! Аккуратнее! – я потерла щеку, и брезгливо поморщилась, размазав масленую краску еще сильнее. – Нас сюда отправили отрабатывать наказание, а не на новое набрать очков, да так, что все лето на грядках кверху попой стоять придется!

– Янка, ты совсем не понимаешь? Вот ни капельки не поняла, зачем я так делаю? – он опять смачно кинул кисточку в банку, а вытащив, шлепнул на стену так, что обрызгало нас обоих.

Злобно зарычав, я уже хотела стукнуть приятеля, но он прижал палец к губам, призывая молчать. Потом сам подошел и зашептал мне на ухо.

– Я слышал, что краски привезли мало, и расходовать ее нужно бережно, или не хватит. Вот придет Константин Емельянович, а мы все в краске, земля вся в краске, банки почти пустые, а стена так и не выкрашена. Поорет, да и отпустит оттираться, поручив доделать работу более ответственным взрослым детям.

– Ты специально! – я восхитилась хитростью младшего, поглядывая на свою еще полную банку белой краски, и его почти пустую.

– А точно выгорит? – спросила его, глянув на залитый солнечным светом берег озера. Такой редкий погожий денек, а мы должны были работать на благо школы, отдуваясь за шалость с водой и воздушными шарами.

Ну закидали мы шарами с водой парочку зевак, и что? Не нужно ворон считать, враг рядом может оказаться в любой момент! И потом, мы их предупреждали, честно орали «берегись!», и даже подсказывали, с какой стороны ожидать следующий снаряд. Как еще можно было перевести наши крики «вспышка справа» и «вспышка слева»? А то, что они не успевали отпрыгнуть, так мы тут причем? Потратили, понимаешь ли, на их тренировку честно найденные шесть воздушных шаров, а теперь еще и отрабатываем тут, пока остальные загорают и купаются в озере.

– Я сам слышал, что он не хотел, чтобы нас отправили на эту работу. Называл мелочью пузатой. – Злодейски поиграв бровями, Илья улыбнулся и опять вернулся к своей малярной импровизации.

Я постояла рядом еще немного, а потом и сама стала старательно ему подражать. Хорошо еще, что глаза у нас были закрыты очками, а вот все остальное мы прилично испачкали.

Примерно на половине моей банки пришел наш куратор по общественным работам. Сказать, что он был шокирован, было бы преуменьшением. Скорее, он хотел кричать матом, но помня, что перед ним только пяти и семилетние ученики, использовал исключительно местоимения и предлоги. Выходило не так впечатляюще, как в тот раз, когда он себе на ногу уронил гантель в полтора килограмма, которую мы спрятали в старой, прогнившей от времени металлической банке. Так не от него же прятали! А от одного старшеклассника, всех просто доставшего таскаться с ней везде и демонстративно качавшего свои мышцы в любом месте. Ладно еще столовая, это его проблемы, если голодным останется. Но он перекрывал Машке экран телика на просмотре мультиков, усевшись со своей гантелей на шкуре медведя, поближе к экрану. Кстати, в тот раз на нас даже не подумали. Вот и славно – мы были не против не огрести пару часов отработки.

Жаль только, что вместе с полезной информацией, Илюшка не услышал, что привезли мало синей краски, а вот белой было даже слишком много. Константин Емельянович лично

прикатил нам тележку с десятком банок на будущее. А вот растворитель не дал сразу, обещал его выделить только после того, как закончим красить отведенную нам часть стены. Проблема была в слишком теплом погожем деньке, с его долбанным солнцем, которое высушило краску и на земле, и на стене, и на нас.

Со слезами на глазах я смотрела, как падали на пол состригаемые соседкой, мои длинные каштановые пряди, измазанные в краске. Увы, но склеились они на голове так, что часть пришлось сбривать машинкой. Но ничего, всех, кто смеялся над моей лысой головой, я запомнила и до следующего полнолуния мстила так, что закончились все идеи.

Илья расплатился за волосы яблоком и фингалом под глазом. Это было ему уроком на будущее – пусть проверяет достоверность информации несколько раз, прежде чем затевать подобное вредительство. А я отныне стала беречь свои вещи, и особенно голову, всегда прикрывая ее хоть косынкой, хоть кепкой на отработках. Стричь я себя больше никому не позволяла, до самого выпуска.

Янина и компания прошло 1,5 года. Зима.

Оббежав стенку снежной крепости, я засветила противнику, сидевшему в этот момент ко мне спиной, первым снежком в затылок, а вторым, в его повернувшееся ко мне лицо. Пнув его под коленку, завалила, и окунув его лицом в снег, уселась ему на спину и запихнула пару пригоршней снега за шиворот.

Пока он отплевывался, я выхватила охраняемый только этим взрослым бугаем флаг и рванула прочь из крепости на всей скорости.

– Стой! Поймаю, закопаю, зараза! – орал вслед старшеклассник, прихрамывая за мной, и одновременно пытаясь вытряхнуть из одежды тающие снежинки.

– Так я и выдам себя голосом. Наивный чукотский юноша, – пробурчала я себе под нос.

Забежав за нашу снежную стену, я перекинула флаг Лерке. Схватив его, она припустила по заранее проложенному нами пути. А я скинула шапку на землю, присыпала ее снегом, и рванула с обычной, заранее подготовленной палкой, в противоположную сторону.

Кстати, тот парень все еще хромал за мной, не признавая свой проигрыш. Ну мы, собственно, продумали и подобный момент. Это ведь зимние игры между прибывшими на праздники берсеркерами и обычной, слабой по их мнению, нечистью. Эти одержимые выигрывали командную снежную битву пять лет подряд. Но, на их беду, в этом году меня и моих друзей допустили до игр, посчитав уже достаточно взрослыми. Просидев в библиотеке всей нашей командой несколько вечеров, мы разработали план. Он заключался в том, чтобы забрав флаг, запутать берсеркеров, и удержав его более пяти минут, отнести к судье, следившему за игрой.

Сейчас пять самых быстрых девочек из нашей команды, без шапок, в одинаковых джинсах и куртках, убегают от загонщиков с палками, давая Лерке время добраться до трибуны. Мой противник хоть и был упертым, но все таки бараном, не видящим дальше своего носа. Я его прилично стукнула, и догнать меня у него никак не выходило. Ковыляя и ругаясь, он следовал за мной, как привязанный, держась примерно в шести метрах от меня. На небе опять сгущались снежные тучи, помогая нашей задумке. Помогали оторваться от преследователей и настроенные во дворе снежные стены, крепости и горки. Проходить этот маршрут на скорость мы с девочками тренировались целых три дня.

Бежать становилось все тяжелее, и я свернула на тропку, ведущую в парк, а точнее к парочке пушистых елок, растущих очень близко друг к другу. Я надеялась, что смогу сбить берсеркера со следа и отдохнуть под еловыми ветвями.

Нырнув рыбкой под нижние ветви елок, я принялась выравнивать дыхание, надеясь успеть перевести дух до появления преследователя.

– Тепло ли тебе, девица, – раздалось рядом, и я едва не стукнула появившегося, словно из воздуха, низенького деда с посохом.

– Тихо ты! Чего пугаешь? Видишь я прячусь? – шикнула я на него, высматривая своего противника.

– Ответь, красавица, на мой вопрос. – Не проникся моей просьбой дед, и даже не понизил голос, спрашивая меня опять.

– Да жарко мне! Только помолчи! – стараясь не тревожить покрытые снежным покровом ветки, я чуть раздвинула их и принялась высматривать берсеркера.

– Тепло ли тебе, девица, тепло ли тебе, красная, – не унимался старик, постукивая своей палкой.

Проверив, где там мой поддельный флаг, ответила ему:

– Сказала же, что жарко!

С неба стали срываться первые снежинки, вдалеке потрескивали стволы деревьев и ветви от мороза.

– Тепло ли тебе, девица? – не сдавался дедок, стуча своим посохом с замысловатым набалдашником.

– Очень тепло, дедушка, – расстегнув куртку, я стянула ее с себя и с трудом повязала на талии. Свитер с высоким горлом был уже мокрый, но и дальше потеть я не хотела.

– Тепло ли тебе, девица, тепло ли тебе, красная?

«Вот же приставучий старик попался.» – подумала я, промокнула лоб рукавом и потрогала пылающие щеки.

– Угу. Сможете дать снега, а то мне не дотянуться? – попросила я его, надеясь хоть с помощью плотного снежка напиться воды и остыть хоть немного.

– Зачем? – спросил обескураженный дед.

Он даже забыл в очередной раз задать свой вечный вопрос, и только нахмурил кустистые белые брови, приподняв шикарные усы. Он, да и его вопрос, мне что- то напоминали, но я все время отвлекалась проверить, не появился ли мой противник, и не хотела сейчас вспоминать ответ.

– Есть его буду, а то запарилась так, что пить хочется, силы нет.

Дед неуверенно протянул мне пригоршню снега и наблюдал, как я его не спеша жевала. Также молча протянул еще одну горсть, а я, благодарно кивнув, обтерла им красное лицо.

– Тебе все еще тепло, девица- красавица? – усмехаясь, снова спросил он, постучав посохом еще пару раз по земле.

С неба падали пушистые хлопья, и вскоре я могу промокнуть уже от них, если не одену куртку обратно.

– Конечно, дедушка! – ответила я и взяла его холодную ладонь, прижав к своим пылающим щекам. – Чувствуете?

– Да. – Отобрав свою руку, он по- доброму усмехнулся. – Уважила ты старика. Повеселила, как никто давно не веселил. И дар для тебя особенный будет значит.

– Дар? А моим друзьям можно тоже? И мне много не нужно, можно всем одинаковые подарки подарить. – Навострила я ушки, решив обнаглеть и разменять один особенный дар, на парочку обычных, но для всех моих друзей.

– И не жалко тебе делиться моими дарами с другими детьми? – улыбнулся он в свои усы и пригладил бороду.

– Так они же мои друзья! Мне для них ничего не жалко, правда. – Искренне ответила я и кивнула пару раз головой.

– Хорошо, держи.

Стукнул дед посохом о землю и исчез, а на его месте появились десять сундуков, причем каждый из них был мне по колено.

– Не поняла. Это что? Это был Дед Мороз? – от удивления вслух заговорила я, рассматривая подарки и роняя в снег куртку и палку.

На тропинке послышалась знакомая ругань, а я, забыв об игре, крикнула:

– Хромай сюда, болезный, помощь твоя нужна.

«Болезный» сперва не поверил своим ушам, а потом подошел к елкам, с подозрением рассматривая мой силуэт за пышными иголками.

– Что ты там делаешь? Флаг прячешь?

– Типа пряталась от тебя. Твой флаг уже, наверное, у судьи, объявившем о нашей победе. Но это уже не важно.

Одев куртку, я попробовала вытолкать из- под елки первый сундук, но сил не хватило даже сдвинуть его с места.

– Есть два варианта. Либо ты поворачиваешься и хромаешь за учителями, и чем больше приведешь, тем лучше, либо ждешь меня тут сам, охраняя мой подарок.

– Какой еще подарок? – разведя колючие ветки руками и увидев сундуки, он завис. – Откуда все это?

– От Деда Мороза, – пожала я плечами и затараторила, размахивая руками: – Я от тебя спряталась тут, а он появился и давай приставать, тепло ли мне. Все спрашивал и спрашивал, а я же столько бежала, конечно мне ужас как жарко было. Он пообещал подарок мне, а я и друзьям попросила. Но я имела ввиду только Киру, Илью, Машку, Лерку и Ромку, а он на всех отсыпал, кажется.

– Ну ты даешь, – только и смог ответить шокированный парень. Он снова скрылся с той стороны тропинки и похромал за помощью.

Я пожала плечами и заглянула в первый сундук. Как и было сказано в старой легенде, изначальная нечисть, в народе известная как Дед Мороз, одаривала только драгоценными каменьями.

– Вот и подарочек привалил. С праздником тебя, Янина, видимо вела себя ты очень хорошо, раз столько привалило разом. Правильной дорогой идем, товарищи! – просыпая через пальцы камни, проговорила я.

Через час, вместе со взрослыми, мы дотащили до общего зала дары Деда Мороза. После, переодевшись в сухое и чистое, за чаем решали, как будем делить на всех, без малого 800 детей и 100 взрослых, камни. Как виновнице такого новогоднего взгрева, мне полагалась двойная доля. А ведь каждый из сундуков, весил более 100 килограмм.

Меня не особо волновало, сколько из этого богатства я получу лично. Возложив дележку и распоряжение «добычей» на плечи моего куратора Алевтины Рысак, я ушла есть пирог и запивать его чаем. Было немного грустно, что победа нашей команды как- то стерлась из радостных новостей, а ведь это была прекрасная комбинация, разыгранная нами, как по нотам. Устав от привалившей мне популярности, я ушла вместе с друзьями в свою комнату, где парочка старших соседей принялась учить нас играть в карты. А вся эта суматоха с сундуками, только испортила наш новый год.

Янина и новый друг. 3 года спустя.

Все это время я училась общим предметам, познавала оба мира по книгам и дневникам нечисти, испытавшей на своих шкурах тяготы прошлого. А вот пользоваться силами бабушки, мой куратор мне запретила строго настрого. Алевтина Рысак вообще была строгой, но не просто так. Она боялась выгорания, которое редко, но наступало у ведьм, замахнувшихся на что-то глобальное. Даже если они делали это не специально, а изменяя сразу несколько десятков судеб одним пожеланием.

Теперь- то я узнала, каково это, на собственной шкурке, чуть не померев.

А случилось все глупо. Я сидела под деревом у озера, читая книгу, когда услышала приглушенные всхлипы. Это удивило меня, ведь в школе все были добрыми и заботливыми. Любой старший, увидевший, что находящийся рядом малыш в затруднении, оказывал помощь в учебе или быту. А тут раздавался настоящий плач.

Отложив книгу, я пошла на звук и наткнулась на маленького херувимчика со светлыми кудряшками, ясными голубыми глазками, пухлыми щечками и размазанными по лицу слезами.

Устроившись рядом, я протянула ему свой платок, и молча рассмотрела сущность слабенького оборотня. Такой, как он, не может оборачиваться. Максимум, что он может – использовать нюх, острое зрение и инстинкты в обычной жизни. Не знаю, как его родители опознали в нем нечисть, но таких редко забирали из семей.

– Привет, меня зовут Янина Вир. Я тут уже три года. – Протянув руку, потрепала его по волосам. – А тебя как зовут?

– Я Максимка Орловский, мне 7 лет. Приехал сегодня, – всхлипывая, ответил он.

– Приятно познакомиться с тобой. Я рада, что теперь ты с нами будешь жить. Тут классно – все заботливые, добрые и скрываться не нужно.

– НЕТ! Я хочу обратно к маме! – закричал он, вскакивая на ноги. Видимо, ему не объяснили, почему он тут. Либо наивный мальчик не верил, что его могли бросить.

– Хорошо! Не кричи ты, – я подняла руки, решив не провоцировать наивного Максимку. – Расскажи, как ты тут оказался? Что случилось в вашей с мамой жизни, после чего тебя сюда привезли.

– Мы с мамой вместе жили, а тут она привела какого- то мужчину, я ему не понравился сразу. Говорил, что я чужой щенок и не нужен ему. Вот я его и покусал. Мама разозлилась и отвела меня в парк, где сказала ждать на лавочке, и не вернулась больше. Меня забрали полицейские. Я их тоже покусал, ведь мама, наверное, потом пришла, и не нашла меня там. Я хочу вернуться к ней!

Усмехнувшись, я припомнила сколько таких наивных уже встречала за прожитые здесь годы. В душе мальчика была любовь к маме, злость на ее мужчину, а вот ответных чувств женщины я не видела. Там, где должна была теплиться материнская забота, была серая пустота. Вот это и был дефект оборотней – ведь что маленькие, что взрослые, они не могли до конца контролировать свою суть, отдавая свою преданность без остатка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.